Глава 39

Свеча на столе качнулась дважды. Из-под пола поднялась волна потустороннего холода — оба застыли, не успев понять, как в их сон проникло нечто чужеродное, и в этот миг из-под кровати метнулась маленькая девочка. Платье на ней было кроваво-алым, кожа — белее бумаги; уголки рта разрезаны от губ до самых ушей, а там, где должны быть глаза, зияли два жутких кровавых провала.

— Это чем же вы тут занимаетесь? Стыд и срам!

Голосок у неё был чистым, как серебряный колокольчик — приятным сам по себе, если бы не пронизывающая его мертвящая нотка. Чу Ханьюэ словно разом лишился всей твёрдости.

Он только-только сбросил руку Цинь Фэна со своей талии и уже было собрался встать, как девочка метнулась к нему — едва не уткнувшись лбом в его лоб. Пустые глазницы уставились на него в упор.

— У тебя такие красивые глаза. Отдашь мне?

Резкий хлопок — и золотистая вспышка ударила девочку в лоб, отбросив её назад.

Цинь Фэн поднял руку, нахмурившись и не спуская с неё взгляда. Удара, который он нанёс, хватило бы, чтобы обратить в прах призрака с тысячелетней историей — она же не получила ни царапины.

Он вгляделся в её лицо, в одежду: всё в точности совпадало с обликом нянг-нянг из колодца. Вот только исходившая от неё мертвящая аура ни в какое сравнение не шла с энергией тех кукол.

— Бессмертный почтенный Хуаян. — Девочка склонила голову набок. — Твоя божественная сила заметно поубавилась. Не лучше ли нам объединиться? А не то я тебя съем.

С этими словами она распахнула пасть и прыгнула на него — но в тот же миг острые зубы рассыпались золотистой пылью. Прикрыв рот ладонями, девочка попятилась, глядя на Цинь Фэна с нескрываемым изумлением.

— Пусть моя сила и поубавилась — на тебя её хватит с избытком. — Цинь Фэн не двинулся с места, одной рукой не отпуская Чу Ханьюэ. — Те создания — все твои куклы? И что тебя связывает с Шаошаном?

— Со временем узнаешь.

Девочка пятилась, прикрывая рот, пока не растворилась в тени.

После её исчезновения Цинь Фэн опустил взгляд на Чу Ханьюэ. Тот был белее мела: тело одеревенело, лоб покрылся испариной. Всё это — от того мгновения, когда девочка вплотную придвинулась к нему, и её злобная аура ударила по нему.

Цинь Фэн провёл ладонью по его голове.

— Прости. Проморгал её.

Когда призрак вплотную придвинулся к нему, ледяной лоб коснулся лба Чу Ханьюэ — и холод пробрал с головы до пят, долго не удавалось прийти в себя. Но ладонь Цинь Фэна легла ему на темя, тепло потекло по всему телу — от макушки до кончиков пальцев — и разом вернуло его обратно в мир живых.

Лишь немного придя в себя, Чу Ханьюэ произнёс:

— Та женщина-призрак, которую я встретил сегодня, — их ауры схожи. Только запах крови от этой куда гуще, и силы в ней несравнимо больше.

— Призрак с десятитысячелетней историей, — задумчиво отозвался Цинь Фэн. — Все, кого убивал Шаошан, и вся сила, которую он выкачал из меня, — всё шло ей в пищу. Она превосходит его мощью. К тому же она не собиралась тебя убивать — иначе дети у тебя в животе непременно бы это почувствовали.

Он успел оценить её силу. Не убеги она тогда — в настоящем бою он бы не проиграл, но пришлось бы постараться.

— Она не мстит за Шаошана? — Чу Ханьюэ вспомнил её слова. — Она предложила тебе союз. Чего она хочет?

Цинь Фэн нахмурился, погружённый в раздумья. Цель Шаошана — убить Небесного Императора. Но всю свою силу он отдал этому призраку. А призрак, сколь бы грозным ни был, не может попасть на Небеса. Что же он замышляет?

— Будь осторожен. Я буду рядом. — Цинь Фэн сжал его плечо. — Запомни: при опасности — сначала беги. Никакого геройства.

— Я понял. — Чу Ханьюэ с тревогой подумал о жителях города. — Может, стоит предупредить людей и вывести их отсюда?

— Бесполезно. — Настроение у Цинь Фэна после прерванного момента окончательно

испарилось. Он поправил одежду, завязал пояс, потянулся было помочь Чу Ханьюэ одеться — тот отстранился, и пришлось ему сесть рядом и наблюдать. — Если она захочет поохотиться, предупреждать уже поздно. Судя по всему, она здесь давно — и ни одного человека не тронула. Думаю, сама она вообще никогда никого не убивала. Шаошан убивал за неё и кормил её.

Когда Чу Ханьюэ оделся, Цинь Фэн принялся учить его преобразовывать божественную силу в защитный барьер. Тот схватывал на лету — почти с первого раза.

— У тебя куда больше способностей, чем у ученика, которого я когда-то принял, — не удержался Цинь Фэн. — Родись ты немного раньше, я бы взял тебя в ученики.

«И не пришлось бы теперь самому прикидываться учеником и каждый день разыгрывать простачка», — мелькнула мысль.

— На десять тысяч лет раньше, — мягко поправил его Чу Ханьюэ.

— Да, да, знаю. — Цинь Фэн взял его за руку и усадил рядом. — Хватит практиковаться, отдохни немного. Не то завтра проснёшься разбитым — сегодня я так и не передал тебе силы.

Чу Ханьюэ вспомнил, как после каждой передачи силы утром просыпался полным бодрости — даже кожа становилась безупречной. Прикрыл рот кулаком и негромко кашлянул.

— Ты раньше брал учеников? Почему нет никаких записей?

— Был один. Потом отчислил. — Цинь Фэн не дал ему продолжить расспросы. — Не будем о нём. Повтори ещё раз — ты учишься так быстро, что у меня нет никакого чувства удовлетворения наставника.

— Нужно, чтобы я повторил это десятки раз, прежде чем ты ощутишь себя настоящим учителем?

Чу Ханьюэ подумал о своём собственном ученике.

— Мой ученик то схватывает мгновенно, то не может взять в толк простейшего — голова кругом. Может, передам его тебе?

— Которого именно? — спросил Цинь Фэн — и сразу понял, что вышло слишком очевидно. Как бы Чу Ханьюэ не догадался. Поспешно добавил: — Я могу его приструнить вместо вас.

— Не надо, — усмехнулся Чу Ханьюэ. — Неужели великому Бессмертному почтенному пристало обижать детей?

Он обернулся к Цинь Фэну — и обнаружил, что тот смотрит на него с каким-то оцепенелым видом. Чу Ханьюэ почувствовал неловкость и нахмурился:

— Что смотришь?

Цинь Фэн потянул пальцами уголки его губ вверх.

— Когда ты улыбаешься, это очень красиво. Улыбайся чаще.

Чу Ханьюэ изобразил подобие улыбки — губы потянулись вверх без тени тепла.

— Скоро рассветёт. Бессмертный почтенный ещё не собирается уходить?

Едва он это произнёс, за окном прокричал петух — и Чу Ханьюэ пробудился от сна.

***

Потёр виски. Ночные приключения во сне отдавались лёгкой головной болью.

Вспомнив призрака, вынырнувшего из-под кровати, содрогнулся. Встал, заглянул под кровать — и, как и ожидал, ничего не обнаружил.

Выходит, и во сне нет настоящей безопасности. Уже дважды кто-то проникал туда извне. Он положил ладонь на живот. Как можно оставить двоих детей одних в таком месте? Сторожить их во сне, пока они не вырастут, а потом только проснуться?

— Наставник, вы проснулись? — Цинь Фэн постучал в дверь с подносом завтрака. — Наставник, от людей из Терема Ветра и Луны приходили.

При этих словах Чу Ханьюэ немедленно распахнул дверь. За ней оказался только Цинь Фэн. Чу Ханьюэ уже открыл было рот, но тот опередил его:

— Тот человек уже ушёл. Не беспокойтесь — мужчина приходил, не девица из заведения.

Чу Ханьюэ перевёл дух и жестом позвал его войти.

— Я уже говорил: жениться тебе можно, но это не значит, что можно посещать подобные заведения.

— Наставник, — Цинь Фэн взглянул на него с обиженным видом, — я вовсе не собирался туда

идти. Что вы обо мне думаете?

— Я тебя не виню. Просто устанавливаю правило — не только для тебя, для всех с горы Юньцзянь. — Видя, как Цинь Фэн снова напустил на себя жалобный вид, Чу Ханьюэ смягчился. — Верю тебе. Садись есть.

***

Позавтракав, они отправились в Терем Ветра и Луны, где Лаобао уже успела привести Ван Лаосаня.

Тому было лет сорок с лишним, и всё в нём — бегающий взгляд, вороватые движения — кричало о мелком жулике. Но даже такой тип при виде людей с горы Юньцзянь рассыпался в любезностях. Не дожидаясь вопросов, сам затараторил:

— Бессмертный господин, слышал, вы меня разыскивали. Так та девочка не мной была похищена — её семья сама попросила меня продать её в город.

Говоря, он машинально сгибался в полупоклоне и тыкал пальцем в сторону собеседника. Чу Ханьюэ смерил его холодным взглядом, перехватил его руку и с усилием выкрутил палец.

— Говори правду.

Ван Лаосань взвыл, лицо перекосило. Но он был заядлым игроком, которого кредиторы за долги колотили регулярно, — такое терпеть ему было не впервой. Правды он всё равно не сказал.

— Бессмертный господин, всё правда, клянусь! Нельзя же так, без оснований!

Едва Чу Ханьюэ отпустил его руку, Ван Лаосань выдохнул с облегчением — и тут же почувствовал острую боль в кончиках пальцев. Подняв руку, он увидел, как они медленно рассыпаются золотистой пылью. Простой смертный такого отродясь не видал — Ван Лаосань едва не лишился чувств. Остальные открыли рты. Лаобао и девицы с визгом бросились наверх.

За спиной Чу Ханьюэ Цинь Фэн застыл с расширенными глазами: он ведь ещё не научил его обратному превращению. Что теперь будет?

Ван Лаосань, зажимая руку, рухнул на колени.

— Бессмертный господин, простите! Правда: я купил её у Чжан Тяня. Говорили, тот любит азартные игры — когда-то влез в долги по уши и сбежал в деревню. А потом снова не удержался, начал похищать детей из своей деревни и продавать их. Вот я ему и помог сбыть

нескольких.

— Нескольких? — В глазах Чу Ханьюэ мелькнуло что-то холодное, едва сдерживаемое. — Ты давно промышляешь этим делом и продал немало невинных детей. С тобой мы ещё разберёмся — пока веди к Чжан Тяню.

— Отведу, отведу! — Ван Лаосань вытянул перед ним трясущуюся руку. Подушечка пальца уже полностью рассыпалась в прах. — Бессмертный господин, я всё понял, прошу — верните, как было!

Чу Ханьюэ мельком взглянул на его руку.

— Что исчезло — того не вернёшь. Это урок. Займёшься снова подобным — исчезнет не только палец.

— Я понял, понял! Остановите это! Скоро я без руки останусь!

В душе его бурлила злоба — но страха было куда больше. Ни раны, ни крови, а жутче в десятки раз. Откуда знать — может, и всё тело так рассыплется? Да и душа вместе с ним?

— Тогда лучше поторопись с дорогой.

Голос Чу Ханьюэ оставался ровным, холодным, без малейшей жалости. Ван Лаосань поспешно поднялся с колен и потрусил вперёд.

Чу Ханьюэ обернулся к Цинь Фэну — тот смотрел на него с нескрываемым потрясением.

— Испугался?

— Нет, — покачал головой Цинь Фэн. — Просто не ожидал. Вы говорили, что хотите уничтожить страдания мира. Я думал — будете убивать демонов, призраков, тёмных тварей. Но только не людей. Даже плохих — только увещеваниями.

— Я и впрямь хочу уничтожить страдания. — Чу Ханьюэ намеренно замедлил шаг. — Для похищенных детей этот человек и есть страдание. А значит — он то, что я должен уничтожить. Я буду спасать не только людей, но и призраков, демонов, оборотней — любого, кто достоин спасения. А те, кто не достоин, — будь то хоть человек — спасения не заслуживают. И злодея, которого нужно убить, — убью. Что, пожалел его? Считаешь меня страшным?

Цинь Фэн улыбнулся и поднял большой палец.

— Нет. Наставник просто невероятно хорош.

http://bllate.org/book/17570/1663172